

Sonderdruck aus:

GEDÄCHTNIS UND PHANTASMA

Festschrift für
Renate Lachmann

Herausgegeben von

Susi K. Frank, Erika Greber
Schamma Schahadat, Igor Smirnov

DIE WELT DER SLAVEN SAMMELBÄNDE · СБОРНИКИ

Herausgegeben von

Peter Rehder (München) und Igor Smirnov (Konstanz)

Band 13

VERLAG OTTO SAGNER
München 2001

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА: ВОССОЗДАНИЕ ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ В ЭМИГРАЦИИ

В 1926 году в Париже усилиями трех участников евразийского движения – кн. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского и С. Я. Ефрона – был основан журнал *Версты*, выходящий как ежегодник до 1928 года¹. В программе издания, наряду с характерными тематическими акцентами евразийцев (например, интересом к краеведению и востоковедению), подчеркивалось, что «в настоящее время – русское больше самой России»; почти тождественная формулировка встречается и в предисловии к последнему номеру (№ 3, 1928). Однако стремление создать печатный орган «вне всякой политики» и «без признака эмигрантщины», как выражался Сергей Ефрон в марте 1926 г. в письме к В. Ф. Булгакову², в русле «сменовеховства» редакторов журнала оказалось тенденциозной фикцией.

Отбор явлений современности, существенных с точки зрения политизированной версии евразийства и выходящих за пределы «практической борьбы» (предисловие издателей к № 1), был реализован в *Верстах* как кумуляция текстов эмигрантских и подсоветских авторов. Столь непосредственное столкновение культуры диаспоры (и предшествующих ей элементов традиции «Серебряного века», например, текстов В. В. Розанова и Н. Ф. Федорова) с подборкой типа «Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП» создавало на композиционном уровне эффект гигантского оксюморона, или, по словам Ефрона в цитированном выше письме, «впечатление разорвавшейся бомбы».

В коалицию с упомянутыми редакторами журнала входило еще три имени: «при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова». Свое положение в редакции Ремизов представляет в письме к Е. А. Ляцкому от 29 мая 1926 г. в таком свете: «И хотя *Версты* выставили меня и Шестова ближайшими, все-таки это из каких-то других причин. Оба мы ничего не можем»³.

Поскольку, по замечанию кн. Зинаиды Шаховской, «евразийцы в ту пору [1926 г. – Ф. П.] помогали Ремизову», его сотрудничество в этом издании оказалось весьма плодотворным⁴. В первом номере журнала (1926) им опубликовано четыре текста, из них три авторских: (1) *Из книги Николай Чудотворец* [11. 4. 1926] (с. 37-51); (2) *Россия* [sic] (с. 52-57); форма сохраняет орфографию Аввакумовского времени); (3) «*Воистину*» (*Памяти В. В. Розанова*) [3. 5. 1926] (с. 82-86). Четвертый текст, связанный с Ремизовым, – перепечатанное в приложении *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное*, на 73 страницах особой пагинации, с обзором хронологии Аввакума и ремизовским послесловием. В планы Ремизова входило воспроизведение и других текстов Аввакума: так, в письме к Е. А. Ляцкому от 14. 4. 1926 он просит выслать ему «Послание Аввакума царю Алексею Михайловичу» на две недели и Никоновскую летопись на четыре месяца, а в письме от 12. 7. 1926 сообщает, что хотел бы поместить это «Послание Аввакума» («Изумительно написано. И вот сколько добиваюсь, и в Россию писал, не отвечают») в приложение ко второму номеру *Верст* (1927; план публикации реализован не был)⁵.

Тексты (2) и (3) также непосредственно адресуют к личности Аввакума, его – искаженной нормативными грамматиками – роли в истории русского языка и в русской культуре второй половины XVII в.; эти же полемические мотивы присутствуют и в творчестве позднего Ремизова⁶. Такая концентрация аввакумовской тематики в рамках евразийского издания подчеркивает, насколько филологическая концепция Ремизова соприкасалась с интересами евразийцев к Аввакуму, проявившимися в середине 1920-х годов⁷.

По меткому замечанию В. Ф. Маркова, к основным тематическим аспектам творчества Ремизова можно отнести, наряду со снами и памятью, переписывание⁸. Учитывая эту универсалию поэтики Ремизова, рассмотрим акт мультимедиального воспроизведения письменного знака, т. е. его написания, сохранения и восприятия / прочтения, как один из приемов организации повествовательной структуры в созданном Ремизовым аввакумовском контексте первого номера *Верст*.

Россия представляет собой часто встречающийся у Ремизова коллаж оригинальных документов (грамот, надписей) с авторским описанием и комментарием – историческим, филологическим (например, особенности произношения, отразившиеся в графике) и палеографическим (например, сведения о почерке, его орнаментальных элементах, об особенностях написании отдельных букв)⁹. Наиболее последовательно такая нарративная схема применена по отношению к историческому документальному материалу в книге *Россия в письменах* (Берлин 1922). В первой серии текстов *России* (1926 г.) привлекаются два вида документов, современных протопопу Аввакуму: жаловальная грамота царя Алексея Михайловича 1669 г. (с. 52-56), выданная Макарию Григорьевичу Чирикову, и выписка из писцовой книги 1681 г., т. е. времени царствования Федора Алексеевича (с. 56-57)¹⁰. Первый из них содержит лаконичную отсылку к источнику: «Из архива Николая Сергеевича Чирикова»¹¹. Относительно того, как этот документ попал к Ремизову, мы располагаем свидетельством кн. Зинаиды Шаховской: «Раз Ремизов попросил меня достать у капитана 2-го ранга, бывшего командира «Алмаза» и моего свойственника, грамоту, выданную предку его царем Алексеем Михайловичем, которую Чириков смог сохранить. Я ему достала и А. М. долго с ней возился, рассматривал не так даже содержание, как слова и выражения 17-го века и начертание букв»¹².

В целом обращает на себя внимание обилие реальных документов старого и нового времени в литературном наследии Ремизова, приводящее, по замечанию Ренате Лахманн, к «узурпации» чужих текстов, текстовых конвенций и жанровых схем¹³. Включая дипломатию в литературный контекст, Ремизов расширяет границы памяти культуры, создает внутри корпуса своих литературных (в том числе автобиографических) текстов архив материальных носителей достоверного исторического предания¹⁴. Показательно, далее, что для обозначения библиотек (в современном смысле) как хранилищ этого предания Ремизов использует архаическое название «книжная казна», которое не предполагает строгой дифференциации между библиотекой и архивом, книгой и документальным источником, книгопечатной и рукописной формой традирования информации. Так, в фиктивном послании к Розанову (*Накануне*, с. 84), отмечая генетическую связь между Розановской манерой письма и синтаксическим строем Аввакума в противовес общепринятым литературным образцам, Ремизов метонимически распространяет это обозначение на совокупность арсеналов памяти культуры: «Теперь начали это изучать, докапываться в России – там книжники и вся казна наша книжная!». В письме к А. Л. Бему в Прагу от 28. 2. 1944 Ремизов спрашивает о судьбе Артура

Лютера, своего давнего знакомого и переводчика: «Жив ли Лютер Артур Федорович? Слышал, много погибло из книжной казны»¹⁵.

Высокий статус документальных источников, восходящих к допетровскому времени, в иерархии культурных ценностей Ремизова обусловлен имманентной им функцией лингвистической памяти, т. е. сохранением лексического и синтаксического строя, того «русского лада», который, согласно Ремизовской концепции истории русского языка и культуры, подвергался на протяжении веков деформирующему воздействию различных внешних факторов¹⁶. Отметим присутствие в этом контексте мотивов смены одежды и карнавального ряжения в чужое, появляющихся, по-видимому, по обратной аналогии (ср. ниже проторечные выражения типа «одежа») с преобразованиями Петра Первого: «как бы не обрядить русскую речь. [...] Обрядили ее в болгарскую одежду, болгарскую сменила церковно-славянская, церковно-славянскую – польская, в Киеве шита, потом немецкая и французская, а кончилось смесью: штана немецкая, рукав французский»¹⁷. Итогом деятельности Петра явилось насильственное исключение «русского лада» из сферы нормативной культуры, предание его забвению: «залил на Москве Красную площадь стрелецкою кровью и по крови дубинкой забил глубоко в землю природный лад русской речи»¹⁸.

По материалам «Рабочей тетради» Ремизова 1950-х гг. выясняется, что первоначально этот последний пассаж представлял собой один из компонентов «Аввакумовского текста» культуры с разветвленной цепью аргументов. Здесь композиция открывается цитатой из Аввакума о «природном языке». Это – фрагмент известного обращения Аввакума к царю Алексею Михайловичу из «Книги толкований и нравоучений» в связи с грекофильскими тенденциями последнего¹⁹. Далее Ремизов упоминает «кажение» языка в виршах Симеона Полоцкого (придворного поэта Алексея Михайловича, учителя Федора Алексеевича и оппонента старообрядцев); «а царевна Наталья Алексеевна на этих виршах представления сочиняла для театра из священной истории»²⁰. Причина антипатии Ремизова к царю Федору Алексеевичу (отметим особую, «аввакумовскую» стилистику его описания) и его сводному брату достаточно ясна: «А ее родной братец, Федор, скобленая образина, повернув ж... к Кремлю «старой веры и старого пения», сжег на Красной площади все родословия, чтобы впредь не повадно было родом чваниться, а заодно велел и Аввакума сжечь, не чванься де и своим природным русским языком. А другой ее брат Великий [...] по-голландски объяснялся, [...] всю жизнь словесно выдирался в своем немецком мундиру из московского литника, поволока дороги лазоревые, залил Красную площадь стрелецкой кровью и заколотил дубиной глубоко в землю природную русскую речь»²¹. В Ремизовской концепции функционально уравнивает отказ от привычного типа одежды, книжная справа (повлекшая за собой различие «старой» и «новой» веры), введение нового церковного пения (по украинским образцам; эта реформа приписывалась царю Федору Алексеевичу уже историографом В. Н. Татищевым), силлабический стих Симеона Полоцкого. Лингвистический аспект памяти культуры сопряжен с Аввакумом, полус энтропий, репрессий и забвения – с придворной культурой второй половины XVII – начала XVIII в. Судьба «природной русской речи» и ее носителей поставлена в один ряд с уничтожением разрядных местнических книг – резервуара отвергнутой, забытой, забитой дубиной исторической памяти.

Итак, плоскость пересечения этих двух ипостасей памяти культуры – «русского лада» и исторического предания – представлена документальной традицией. Для переосмысления ее нереализованного языкового потенциала в современном русскоязычном социуме Ремизов предлагает весьма радикальную программу: «Русская словесная земля сберегла из веков русский лад. Беритесь за дьячи и

подьячи грамоты, корпите над Писцовыми книгами, вникайте в документы Посольского Приказа и Судебные акты – живая речь обвиняемых и свидетелей»²². Ср. аналогичное определение «словесная земля» как медиума памяти в «Рабочей тетради» 1950-х гг.: «Как по земле идут, надо пройти по словесной земле в веках, прикоснуться к живой русской речи. Чтение старинных документов: актов исторических и юридических. // Начать с Архива П. М. Строева»²³. Именно документ («грамота») допетровского времени должен, согласно Ремизову, стать основой грамоты, азов, нормативного начального обучения: «Вот что я понял, сорок лет учась русской грамоте: в школах начинать с образцов приказного языка XVI – XVII в. – указы, грамоты, судные дела»²⁴. О своей практике чтения текстов подобного рода Ремизов сообщает в письме Н. В. Кодрянской: «Читал, как всякий день, грамоту. Дошел до 1556 г. Ивана Грозного. Читаю вслух и вникаю и для произношения»²⁵.

Чтение вслух является не только предпосылкой понимания источника, ключом к его расшифровке, но и частью перформанса, имеющего собственную эстетическую ценность. В этом отношении особенно характерно акустическое воспроизведение литературного текста Ремизовым в качестве сопровождения («за музыканта») на праздновании юбилея Льва Шестова (* 13 февраля нового стиля / 31 января старого стиля 1866 г.), которое хронологически совпадает с подготовкой первого номера *Верст*; в фиктивном послании В. В. Розанову (*Воистину*, с. 83) этот эпизод представлен так: «в этом году исполнилось 60 лет – Вяч. И. Иванову, Д. С. Мережковскому, Л. И. Шестову. Юбилей Л. Шестова справляли по-русски – три вечера: на дому – литературное сборище, у С. В. Лурье – семейное, и третий вечер – философское: только философы. Бердяев, Вышеславцев, Эфрон, Ильин, Познер, Лазарев, Лурье, Сувчинский, кн. Д. С. Мирский, Федотов, Мочульский (Степун не приехал!) и только я не философ, я за музыканта: читал весь вечер – три часа без перерыва – «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», самую жизнерадостную книгу, а на тему: путь к вольной смерти!».

В этой последней фразе скрывается экзистенциальная мотивация выбора текста для прочтения именно в философском кругу, так что в данном случае чтение вслух не совпадает с т. н. художественным чтением или декламацией. Скорее можно предположить, что в основе действия Ремизова лежит акт озвучения релевантного для него текста культуры, перевода письменного знака в плоскость оживляющей его звучащей речи. Письменные свидетельства, фиксирующие традиции, имеют и свои звуковые эквиваленты: ««Росию» в ы с к а з а л Аввакум, грамоты и писцовые выписи: Аввакум – проговоря на «о» (нижегородец да и протопоп!) [...] грамоты – выпевая знаменным догматиком с окриком по «Уложенью»; выписи – деловым кудрявым «столбцом» («Россия», с. 52; разрядка Ремизова).

Создаваемая Ремизовым мультимедиа версия памяти культуры тяготеет к актуализации ограниченного круга текстов («архива»). Среди них, наряду с отмеченными выше типами документов допетровского времени, важнейшее место принадлежит *Житию протопопа Аввакума*. В связи с этим интересно взглянуть на состав текстов в Ремизовском приложении к № 1 *Верст*. Помещенный в нем текст *Жития протопопа Аввакума* восходит к печатному изданию (*Житие* 1916; включено в состав издания: *Памятники* 1927), в основу которого, в свою очередь, положен автограф Аввакума в т. н. *Пустозерском сборнике* Дружинина (СПб., Библиотека Российской Академии наук, собр. В. Г. Дружинина, № 746 [790])²⁶. Фрагменты двух других редакций *Жития* (второй и третьей, по определению Я. Л. Барскова) также были использованы Ремизовым. Вслед за перечнем основных русских изданий *Жития* он упоминает английский перевод, сделанный

известным специалистом по классической филологии Jane Ellen Harrison в сотрудничестве с писательницей Helen Nore Minglees и вышедший с предисловием кн. Д. П. Святополк-Мирского (*Avvakum* 1924), в котором сам Ремизов принимал участие в качестве консультанта²⁷.

Хотя первая публикация *Жития Аввакума* Н. С. Тихонравовым вышла в свет еще в 1861 г. и оно само впоследствии неоднократно переиздавалось, книгопечатное сознание современной культуры – «галактика Гутенберга» – не исчерпывает представлений Ремизова о путях сохранения аввакумовской традиции; ср. в приложении к *Житию* (с. 73): «Списки *Жития* делались еще при жизни Аввакума, и после издания *Жития* (1861 г.) московские доброписцы не раз трудились, списывая «добрым письмом». Сославшись на непрерывность рукописной традиции и связь ее исключительно с местом своего рождения (но не подчеркивая при этом ее старообрядческих корней; таким образом, Москве как «месту памяти» (*Gedächtnisort*) в пределах общей традиции отводится особая роль), Ремизов завершает послесловие следующей ремаркой: «'Парижский' список сделан в 1926 г. по замыслу П. П. Сувчинского: 33 часа переписывал я *Житие*, не только глазом следя, а и голосом выговаривая слово за словом и храня каждую букву протопота 'всёя Росии'».

Таким образом, Ремизов придает опубликованному им тексту *Жития* статус не простой перепечатки, с точки зрения текстологии вторичной по отношению к автентичному рукописному преданию, а нового списка. «Парижский список» столь же своеобразен традицией, как и упомянутые до этого московские списки автографов Аввакума. Заключительная фраза послесловия содержит реминисценцию профессиональной рукописной культуры: «замышление П. П. Сувчинского» сопоставимо с формулами колофонов рукописей, называющих их заказчиков.

Перформанс Ремизова на юбилее Шестова (3 часа) и создание «Парижского списка» *Жития Аввакума* (33 часа) «не только глазом следя, а и голосом выговаривая...» в том же 1926 г. являются дополняющими друг друга мерами, призванными гарантировать непрерывность текста культуры и сохранность основных кодов ее памяти в изгнании. Одним из ее источников в уникальной Ремизовской версии было *Житие протопота Аввакума*; о силе этой «словесной земли» сказано им в дарственной надписи выдающемуся исследователю старообрядческой книжности В. И. Малышеву: «Всю свою заграничную жизнь с 7 августа 1921 г. и по сей час прожил я – Слово Аввакума было мне русской землей»²⁸.

Литература:

- Аввакум 1960: *Житие протопота Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения*. Под общей редакцией Гудзия, Н. К. Москва.
- Агеносов, В. В. 1996: *Версты*. В: Николокин, А. Н. (Гл. ред.): *Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918 – 1940)*. Т. 2/1. Москва, 90-99.
- Адамович, Г. А. 1955: *Одиночество и свобода*. Нью Йорк.
- д'Амелия, А. 1983: *Автобиографическое пространство Алексея Михайловича Ремизова*. В: Алексей Ремизов: *Учитель музыки*. Подготовка к печати, вступ. статья и примечания А. д'Амелия. Париж, I-XXXIII.
- 1994: *Поздние повести Ремизова: в поисках жанра*. В: Грачева, А. М. (Ред.): *Алексей Ремизов. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург, 104-114.
- Баранова-Шестова, Н. 1983: *Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников*. Т. 1. Париж.
- Барсков, Я. Л. 1912: *Памятники первых лет русского старообрядчества*. Санкт-Петербург. (Летописи занятий Археографической комиссии, 24).
- Безродный, М. В. 1990: *Об одной подписи Алексея Ремизова*. В: *Русская литература* 1, 224-228.
- Богданов, А. П. 1998: *Царь Федор Алексеевич*. Москва.
- Веселовский, С. Б. 1975: *Дьяки и подьячи XV – XVII вв.* Москва.

- Грачева 1992: *Волибный мир Алексея Ремизова*. Каталог выставки. / Сост. А. М. Грачева [и др.]. Санкт-Петербург.
- Грачева, А. М. 1993: Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин). В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. XLVI, 158-169.
- 1994: *Алексей Ремизов. Исследования и материалы*. Грачева, А. М. (Ред.) Санкт-Петербург.
- 1994а: Алексей Ремизов. Новые материалы (Вступ. заметка и публикация А. Грачевой). В: Грачева 1994, 193-230.
- 1995: Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период. В: *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований*. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 330-337.
- Демкова, Н. С. 1974: *Житие протопота Аввакума (творческая история произведения)*. Ленинград.
- Демкова, Н. С. / Дробленкова, Н. Ф. / Сазонова, Л. И. 1975: *Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания*. Ленинград.
- Житие 1916: *Житие протопота Аввакума, им самим написанное*. Издание Археографической комиссии. Петроград.
- Кодрянская, Н. 1977: *Ремизов в своих письмах*. Париж.
- Марков, В. Ф. 1978: *Неизвестный писатель Ремизов*. В: Слобин, Г. Н. (ed.): *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer*. Columbus / Ohio, 13-18.
- 1994: О свободе в поэзии. Статьи – эссе – разное. Санкт-Петербург.
- Морковин, В. В. 1969: *Приспешники царя Асыки*. В: *Československá rusistika XIV/4*, 178-186.
- Николаев, С. И. 1996: *Литературная культура Петровской эпохи*. Санкт-Петербург.
- Олонова, Э. 1996: Письма А. М. Ремизова к Е. А. Ляцкому (1925-1937 гг.). В: *Rossica* 2, 143-158.
- Памятники истории старообрядчества XVII в.* 1927: Кн. I, вып. 1. Ленинград (Русская историческая библиотека XXXIX).
- Резникова Н. В. 1980: *Озенная память. Воспоминания об Алексее Ремизове*. Berkeley (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts, 4).
- Ремизов, А. 1927: *Россия. Указ 1710 года. Заветы*. В: *Версты*, 2, 114-128.
- 1952: *В розовом блеске*. Нью Йорк.
- 1954: *Огонь вещей. Сны и предсонье*. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. Париж.
- 1981: *Встречи*. Петербургский буерак. Париж.
- 1990: *Взвихренная Русь*. Изд. третье. Предисловие и комментарии (именной указатель) Андрея Козина (Б. Филиппова). Лондон.
- Робинсон, А. Н. 1963: *Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты*. Москва.
- Саакянц, А. 1991: Журнал «Версты». В: *Новый журнал*. № 183, 211-217.
- Савванитов, П. 1896: *Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное*. Санкт-Петербург.
- Савицкий, П. Н. 1929: «Житие» протопота Аввакума как географический первоисточник. В: *Научные труды Русского народного университета в Праге*. Т. 2, 218-231.
- Святополк-Мирский, Д. П. 1925: *О московской литературе и протопоте Аввакуме (два отрывка)*. В: *Евразийский вестник*. Кн. 4. Берлин, 338-350.
- Соловьев, С. М. 1991: *Сочинения*. Кн. VII. *История России с древнейших времен*. Т. 13-14. Москва.
- Струве, Г. П. 1996: *Русская литература в изгнании*. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. В: Вильданова, Р. И. / Кудрявцев, В. Б. / Лаппо-Данилевский, К. Ю. *Краткий биографический словарь русского зарубежья*. Составление и вступ. статья К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж, Москва.
- Успенский, Б. А. 1987: *История русского литературного языка (XI – XVII вв.)*. Мюнхен (Sagners Slavistische Sammlung 12).
- Фостер, Л. А. 1970: *Библиография русской зарубежной литературы 1918 – 1968*. Т. 2. Boston.
- Цивьян, Т. В. 1996: К стратегии сохранения русского языка в диаспоре: «случай Ремизова». В: *Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора*. Тарту, 110-127.
- 1996а: Ремизов и его языковые эксперименты. В: *Русистика, славистика, индоевропеистика*. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. Москва, 690-703.
- Черепнин, Л. В. 1978: *Земские соборы русского государства в XVI – XVII вв.* Москва.
- Шаталина, Н. Н. 1994: Автографы на книгах как жанр творчества А. М. Ремизова. В: Грачева; А. М. (Ред.): *Алексей Ремизов. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург, 243-247.
- Шаховская, З. 1975: *Отражения*. Париж.
- Швейцер, В. 1988: *Быт и бытие Марины Цветаевой*. Париж.
- Шляпкин, И. А. 1898: *Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени*. Санкт-Петербург. (Памятники древней письменности СХХVIII).
- Assmann, A. 1999: *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München.
- Avvakum 1924: *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself*. Translated from the Seventeenth Century Russian by J. Harrison and H. Mirtlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. London.
- Lachmann, R. 1990: *Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne*. Frankfurt/M.
- 1994: *Die Zerstörung der schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen*. München (Theorie und Geschichte der Literatur und der Schönen Künste. Texte und Abhandlungen. N. F. Reihe A, 8).

- Mirsky, D. S. 1989: *Uncollected Writings on Russian Literature*. Edited and with an Introduction and Bibliography by G. S. Smith. Berkeley.
- Peabody, M. F. 1991: Traditional and Individualistic Aspects of the Petitions of the Archpriest Avvakum. *Ann Arbor*.
- Poljakov, F. B. 1990: Der Beitrag P. M. Stroevs zu den prosopographischen Grundlagen der russischen Kirchengeschichte. In: Stroeov, P. (Hg.): *Spiski ierarhov i nastojatelej monastyrej Rossijskija cerkvi. Verzeichnisse der Hierarchen und Vorsteher der russischen Kirche*. St. Petersburg 1877. Nachdruck hg. und eingeleitet von F. B. Poljakov. Köln, Wien, V-XXVI (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven 35).
- Sinany, H. 1978: *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov*. Paris (Bibliothèque russe de l'Institut d'Études Slaves, XLIV).
- Sippl, C. 1999: Die «Russischen Briefe» Arthur Luthers in der Zeitschrift *Das Literarische Echo* (1900-1913). Momentaufnahmen der Kulturvermittlung. In: Kronsteiner, O. (Hg.): *Die euroslawischen Kulturbeziehungen. Vorträge des 17. Salzburger Slawistengesprächs, 19.-22. November 1998*. Salzburg, 151-170 (Die Slawischen Sprachen 60).
- Slobin, G. N. 1978: (ed.), *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer*. Columbus / Ohio (UCLA Slavic Studies, 16).
- Smith, G. S. 1995: *The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922-31*. Birmingham (Birmingham Slavonic Monographs 26).
– 1995a: Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D. S. Mirsky, 1924-1926. In: *Oxford Slavonic Papers*. Vol. XXVIII, 62-97.

Примечания:

- 1 Об идеологических рамках журнала и реакциях на его появление см.: Струве (1996:62-64), Агеносов 1996; внутренняя история издания документирована в работах: Smith 1995; Smith 1995a.
- 2 Швейцер (1988:343).
- 3 Praha, Literární archiv Památníku Národního Přeměnictví, фонд Е. А. Ляцкого (52 / 69); (Олонова 1996:149). Другой комплекс источников о взаимоотношениях Ремизова и Ляцкого проанализирован в статье: Грачева (1995). – В письме к художнику Н. В. Зарецкому от 19. 4. 1927 Ремизов так определяет функции М. И. Цветаевой в редакции: «Рильке я знаю, он ведь жил в Париже. О нем написала Марина Цветаева для *Верст*, где она заведует стихами» (Морковин 1969:179); см. подробнее: Сааянц (1991). О подготовке журнала Л. И. Шестов получал известия от Ремизова; так, в письме от 24. 1. 1926 сообщается, что «журнал будет называться *Орда*»; (Баранова-Шестова 1983:332); одно время Святополк-Мирский предлагал вместо *Версты* название «Крысолов» (Smith 1995:48) (оба имени – Цветавские).
- 4 Шаховская (1975:17). Перечень текстов Ремизова в «Верстах» см. в кн.: Sinany (1978:155, № 297).
- 5 Praha, LA PNP, фонд Е. А. Ляцкого (52 / 69); Олонова (1996:148, 150). Речь идет об автографе Аввакума (ср.: Демкова, Н. / Дробленкова, Н. / Сазонова, Л. 1975:257-258) – его Пятой целобитной царю Алексею Михайловичу (1669) по изданию: Барсков (1912:45-51, табл. IV). См. также работу: Peabody (1991).
- 6 Ср. д'Амелия 1983, XXV–XXVII.
- 7 Сам Ремизов в послесловии к переизданию Жития (с. [73]) ссылается на статью: Святополк-Мирский 1925 (переиздана в кн.: Mirsky 1989:145-155) и на книгу: Аввакум 1924 (см. ниже). Отметим здесь также работу Савицкого (1929).
- 8 Марков (1978:17); Марков (1994:237).
- 9 Ср., напр.: «Ну и мастак же писать этот Мишка Кудрявцов! Возьмется за выписи и так закудрит, такой заплет выведет, и уж столбец не в 74 строки, а в 774 – в 1000 кинется в глаза, а из всех букв «к» (Кудрявцов!), какая она у него нарядная – «к»: как царский конь!» (Росия:56). Данные о подьячем Михаиле Кудрявцеве см. в кн. Веселовского (1975:272). Зооморфическая метафора («к»: как царский конь!) встречается у Ремизова также в описании собственной подписи (под своими показаниями на Гороховой): «с голубем, со змеей, с бесконечностью – с крылатым «з», со змеиним «кси» [...]»; (Ремизов 1990:289). См. подробнее: Безродный (1990).
- 10 Продолжение серии было опубликовано в следующем номере *Верст*: Ремизов (1927:114-121, 122-128).
- 11 Указанное лицо зафиксировано как автор одного мемуарного текста, см.: Фостер (1970:1166).
- 12 Шаховская (1975:24). Из описания Ремизова становится ясным, что эту грамоту он не просто рассматривал, а читал, по своему обыкновению, в слух («читаешь, как слушаешь – московское», там же:53).
- 13 Lachmann (1990:68). О технике жанровых комбинаций Ремизова в связи с документальным материалом см. работу д'Амелии (1994).
- 14 Поскольку функционирование архива как хранилища исторической и культурной памяти предполагает наличие механизмов отбора (см. об этом подробнее: Assmann 1999:343-347), особый интерес представляет «синодик» русских палеографов и исследователей древнеславянской книжности в мемуарном тексте о С. П. Ремизовой–Довгелло, помещенный между двумя традиционными заключительными

- формулами книгописцев: «Да помяну имена трудившихся над русскими древними письменами и научивших нас искусству чтения [...]»; (Ремизов 1952:401-402); ср. альтернативный (без «поминания») перечень имен (там же:400-401).
- 15 Praha, LA PNP, фонд А. Л. Бема (34 / 43). В данном случае речь может идти как о личной библиотеке Лютера, пострадавшей при бомбардировках Лейпцига, так и о библиотеке (Deutsche Bücherei), в которой тот состоял на службе. См. очерк биографии А. Ф. Лютера в статье: Sippl (1999). Как нам сообщила Dr. Carmen Sippl на основании находящихся в ее распоряжении эскипсов из неизданного дневника Лютера, упоминаемые здесь события произошли в ночь на субботу 4. 12. 1943 г.
- 16 Лингвистический субстрат русской культуры в представлениях Ремизова проанализирован в работе: Цивьян (1996a).
- 17 Грачева (1994a:215).
- 18 Ремизов (1954:125).
- 19 Аввакум (1960:159); ср. также: Успенский (1987:233-234). О риторической традиции похвал родному языку см.: Lachmann (1994:40, 188-189).
- 20 Грачева (1994a:214); ср. также: Кодрянская (1977:86). Последнее упоминание значимо с точки зрения биографии Ремизова – театром царевны Натальи специально занимался И. А. Шляпкин (см.: Шляпкин 1898), наставник С. П. Ремизовой–Довгелло, оказавший влияние и на самого Ремизова (Ремизов 1981:217-218); см. подробнее: Грачева (1993). Авторство царевны Натальи фактически не подтверждено, ср.: Николаев (1996:116-117).
- 21 Грачева (1994a:214). «Сжег все родословия» – имеется в виду собор 12 января 1682 г., постановивший отмену местничества (привилегии боярских родов при назначении на армейские и иные должности) и сожжение (во дворцовых сенях, а не публично, на Красной площади – sic!) разрядных местнических книг, записи которых, однако, разрешено было внести в родословные книги (Соловьев 1991:238-244; ср. Черепнин 1978:351-355, Богданов 1998:26). – В связи с отмечавшейся выше ассоциацией лингвистических воздействий с переменной одежды интересно противопоставление «мундирум» русскому типу платья (печатный вариант «литник» – т. е. летник [?], верхняя же не к а я одежда; дороги – шелковая ткань; см.: Савваитов (1896:75, 33)).
- 22 Ремизов (1954:126).
- 23 Грачева (1994a:217). «Архив» Строева – «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи [...]» (т. I–IV, Санкт-Петербург. 1836) Археографической экспедицией П. М. Строева в 1829–1834 гг. и изданные без его участия; см. подробнее: Poljakov (1990).
- 24 Ремизов (1952:400).
- 25 Кодрянская (1977:87). Ср. также свидетельство Н. В. Резниковой о чтении Ремизовым судебных протоколов XVII в. – «вот это – настоящий русский язык»; (Резникова 1980:99-100, 112). Наряду с признанием уникальности языка и стилистики Ремизова в целом его лингвистическое кредо воспринималось как избыточная модель культуры; ср. отзыв наиболее влиятельного парижского критика Г. В. Адамовича (1955:181-187), который, в частности, писал: «как Константин Аксаков по Чадаеву одевался настолько по-русски, что народ на улицах принимал его за персиянина, так может случиться и с Ремизовым. Уж до того по-русски, до того по-своему, по-нашему, по-московски, что кажется иногда переложением с китайского!» (там же:179).
- 26 Демкова, Н. / Дробленкова, Н. / Сазонова, Л. (1975:253-254). О текстологии и изданиях Жития Аввакума см.: Робинсон (1963:86-101); Демкова (1974).
- 27 В письме от 6. 4. 1924 Лев Шестов пишет М. Е. Эйтингону о стесненном материальном положении Ремизова после переезда из Берлина в Париж и добавляет: «С Miss Harrison они переводят протопопа Аввакума» (Баранова-Шестова 1983:309); об их работе неоднократно упоминается в письмах Harrison к Святополк-Мирскому (Smith 1995a). Отметим, что издание *Верст* смогло осуществиться благодаря финансовой помощи J. E. Harrison.
- 28 Грачева (1992:27, № 91); Шаталина (1994:244).